

Мистическая Орловщина

Четыре дороги к святым местам

Прогулка с Хранителем

ДОРОГИ
ТОЖЕ
РАССКАЗЫВАЮТ
ИСТОРИИ

АНАТОЛИЙ БЕВЗА

Анатолий Бевза

**Мистическая Орловщина:
четыре дороги к святым местам**

«Автор»

2026

Бевза А.

Мистическая Орловщина: четыре дороги к святым местам /
А. Бевза — «Автор», 2026

Что превращает обычное поле, родник или старую дорогу в место, которое веками считают святым, памятным или опасным? Третья книга серии «Города и их хранители» отправляет вас в четыре автомобильных путешествия по Орловской области вместе с загадочным Хранителем. Вы побываете у святого источника и на древнем городище, где легенда о разбойнике Кудеяре, возможно, спасла вал от разрушения. Узнаете, почему место гибели преподобного Кукши до сих пор остаётся предметом научного спора. Увидите, как храм, переживший разорение и зернохранилище, снова становится храмом. И встретите рассвет там, где когда-то «караулили солнышко». Здесь нет вымысла о чудесах - только честный разговор о том, как вера, память и фольклор меняют ландшафт. Сначала точность. Потом красота.

© Бевза А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Перед дорогами	5
Вступление. Одной дороги не будет	6
I. Ильинское. Место, которое существовало в нужный день	9
II. Старое. Когда вода получает историю	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анатолий Бевза

Мистическая Орловщина: четыре дороги к святым местам

Перед дорогами

Эта книга продолжает две предыдущие поездки по Орловщине. Ты идёшь и едешь с тем же вымышленным Хранителем, с которым уже прошёл Орёл и съездил в Мценск. Вы не знакомитесь заново. Ты знаешь его привычки, он знает твои вопросы, и теперь иногда именно ты первым замечаешь слишком удобное объяснение.

Одного маршрута здесь не будет. Книга состоит из четырёх отдельных выездов из Орла: в Орловское Полесье, на север области через Болхов и Спас-Чекряк к Фроловке, в Долбенкино и в Новосильский район. Места расположены так, как расположены в реальной области, а не так, как удобнее литературной схеме.

На карте - четыре отметки. Запад. Север. Юго-запад. Восток. Если соединить их линией, получится неровный крест. Мы не будем его рисовать. Но ты будешь держать эту форму в голове.

Исторические, этнографические и краеведческие сведения опираются на проверяемые источники. Церковное предание называется преданием, народное представление - народным представлением, научная гипотеза - гипотезой. Факт существования многолетней традиции не превращает автоматически событие, о котором она рассказывает, в документально установленный факт.

В книге есть действующие храмы, монастыри, паломнические места и объекты национального парка. Относись к ним как к живым пространствам, а не к декорациям. Режим доступа, дорожная обстановка, расписания богослужений и правила посещения меняются. Перед реальной поездкой проверяй актуальные сведения на официальных сайтах.

И ещё одно. Мы не будем проверять чудеса экспериментом, искать «правильный» мистический эффект или разыгрывать старые обряды ради фотографии. Нас интересует другой вопрос: когда и почему обычное физическое место начинает восприниматься людьми как другое - святое, памятное, переходное, опасное, целительное или просто особенное.

Вступление. Одной дороги не будет

Ты приходишь с картой.

Не с телефоном, не с распечаткой маршрута, а с настоящей бумажной картой области, сложенной так много раз, что на сгибах уже начинает проступать собственная география.

- Не смотри так.

- Как?

- Как человек, который сейчас скажет, что бумажная карта надёжнее цифровой.

- Я собирался сказать, что она хотя бы честно признаётся в складках.

- Это ещё хуже.

Мы стоим в Орле у машины. После Мценска прошло достаточно времени, чтобы ты перестал каждый раз вспоминать два дома на улице Ленина, но недостаточно, чтобы забыть главный урок той поездки.

На карте четыре отметки.

Запад.

Север.

Юго-запад.

Восток.

Никакой красивой линии между ними нет.

- Так и поедем?

- Так и поедем.

- А можно было сделать кольцо.

- Можно.

- Но?

- Но тогда половину книги пришлось бы посвятить нашему таланту ехать туда, куда истории не надо.

Ты складываешь карту чуть аккуратнее.

В прошлый раз мы ехали из Орла в Мценск и возвращались обратно. Один город, один текст, одна поздняя легенда и два дома, которые отказались дать тебе удобный ответ.

Теперь будет хуже.

- Я уже понял, что для тебя это рекомендация.

- Для исследования.

- Конечно.

У нас не будет одного сюжета, который держит всё вместе. Не будет Лескова, который заранее дал произведению название. Не будет одного дома, вокруг которого можно построить спор.

Будут село, родник, древнее городище, собор, деревня, монастырь, ещё одна деревня и рассвет.

Некоторые места люди веками считали святыми.

Некоторые связывали с конкретным человеком.

Некоторые получали новую биографию благодаря легенде.

В некоторых обычный луг становился особым только в определённый день.

А в одном случае мы вообще не сможем показать точную точку, хотя сам обычай документирован.

Ты смотришь на меня поверх карты.

- Это уже началось?

- Что?

- Твоё любимое «точно не установлено».

- Я думал, после Мценска оно стало нашим.

Ты не споришь.

Это хороший знак.

Мы договариваемся о правилах ещё до первой дороги.

Первое: религиозное почитание не будем проверять линейкой историка. Для верующего человека святыня существует внутри веры, богослужения, молитвы, паломничества. Это реальная человеческая практика. Но когда мы спрашиваем о дате, месте события или происхождении конкретного рассказа, появляются другие требования к доказательству.

Второе: народный обряд не становится «языческим ритуалом» только потому, что современному человеку нравится это словосочетание. Этнографы предлагают интерпретации, иногда спорят друг с другом. Мы будем отделять записанное действие от объяснения, которое исследователь дал ему позже.

Третье: если источник говорит «предание», мы не повышаем его в должности.

Ты улыбаешься.

- Эту фразу я помню.

- К сожалению, теперь она принадлежит не только мне.

- Ты сам раздавал.

Четвёртое правило я не произношу.

Ты ждёшь.

- Ну?

- Хотел проверить, скажешь ли сам.

Ты вздыхаешь.

- Если не знаем - говорим, что не знаем.

- Вот теперь можно ехать.

- Куда сначала?

Я показываю на запад.

Хотынецкий район. Орловское Полесье.

Первой точкой будет Ильинское - село, где в 1920-1930-е годы этнографически зафиксирован обряд, который называли «крещением кукушки».

- Кукушку настоящую?

- Нет.

- Уже хорошо.

- Не торопись.

Ветка бузины, лоскутки, девушки, луг, родник, вода, которую старожилы считали целебной.

Ты сразу смотришь на карту.

- Родник отмечен?

- Нет.

- Потерян?

- Точнее: мы не установили, какой современный источник можно уверенно назвать тем самым.

Ты медленно складываешь карту.

- Значит, первая остановка - место, которого мы не найдём?

- Нет. Село найдём.

- А главное место обряда?

- Вот с этим сложнее.

- Прекрасное начало.

- Я рад, что ты наконец понял жанр.

Мы садимся в машину.

Орёл остаётся позади.

На этот раз я не обещаю, что в конце каждой дороги мы будем знать больше мест.

Возможно, к концу дороги точек на карте не прибавится. Зато станет понятнее, почему некоторые из них становятся особыми.

I. Ильинское. Место, которое существовало в нужный день

Ильинское встречает нас без всякой обязанности выглядеть этнографически.

Это первое, что мне нравится.

Современное село не должно сохранять позу для человека, приехавшего искать обряд столетней давности. Здесь есть дороги, дома, обычная сельская жизнь. Есть Дом традиционной культуры на Школьной улице - современная точка, где работают с местной песней, танцем, игрой, обрядовой культурой.

Но мы приехали не искать реконструкцию.

Ты выходишь из машины и сразу спрашиваешь:

- Куда дальше?

Я молчу.

- Ты серьёзно?

- Абсолютно.

- Мы ехали сюда, чтобы ты сказал «не знаю» у первой же остановки?

- Можно было сказать это в Орле и сэкономить бензин. Но тогда ты бы не увидел главного.

- Чего?

- Что неизвестность тоже имеет географию.

Этнограф Бэла Леонова собрала относительно полные сведения об ильинском варианте обряда, бытовавшем здесь в 1920-1930-е годы. Он исполнялся ежегодно и был связан с Вознесением. Участвовали девочки-подростки и незамужние девушки.

Они делали «кукушку» не в виде птицы.

Брали ветку красной бузины - здесь её называли словом, которое исследователь записала как «пустодреву», - украшали лоскутками, которые приносили участницы, и шли с этой веткой на находившийся неподалёку луг, к роднику, или «колодцу».

Воду этого источника старожилы считали целебной.

У родника ветку несколько раз погружали в воду - «крестили». Потом девушки кумились: обменивались поцелуями, платками или нагрудными украшениями, вступая в особую временную связь. После обряда возвращались в село и устраивали общую праздничную трапезу; среди обязательных блюд исследователь отмечает яичницу, продукты для которой собирали участницы.

Ты слушаешь, потом оглядываешься. День сухой, но ветреный. Пыль летит по дороге, и трава под ногами шуршит, как бумага.

- И всё это происходило где-то рядом.

- Да.

- Где именно?

- Вот опять.

У нас есть село.

Есть описание обряда.

Есть временная рамка.

Есть луг.

Есть родник.

Но нет проверенной современной точки, возле которой я имею право поставить тебя и сказать: «Вот здесь».

Ты проходишь несколько шагов вдоль дороги, будто надеешься, что ландшафт сам выдаст ответ.

Не выдаёт.

Это несправедливо только с точки зрения туриста.

Источник ничего не должен современному навигатору.

- А если спросить местных?

- Можно. И даже нужно, если мы собираем новое полевое свидетельство. Но тогда мы должны записать, кто сказал, когда, на основании чьей памяти и насколько уверенно. Один сегодняшний ответ не превратит место автоматически в установленную историческую точку.

- Я уже знаю.

- Знаешь. Но всё равно хочется.

Ты не отрицаешь.

Мне тоже хочется.

Мне самому хочется верить обратному: если событие важно, у него должен сохраниться адрес. Но место не обязано соответствовать этому желанию.

Не обязано.

Обряд вообще существовал не в привычной нам системе адресов.

Он был привязан к календарю, возрасту участниц, дороге из села, лугу, воде, совместному действию.

Попробуй убрать Вознесение.

Останется обычный день.

Убери девушек.

Останется ветка бузины.

Убери действие у воды.

Останется родник.

Место становилось другим не потому, что менялись его координаты.

Менялась ситуация.

Ты смотришь на меня.

- Значит, место существовало только во время обряда?

- Не физически. По смыслу.

- Наконец-то осторожная формулировка без моей помощи.

- Я ещё способен работать самостоятельно.

Исследовательская статья делает ещё одну важную вещь: она не превращает все детали в бесспорную древность. Например, точно установить, что происходило с веткой-«кукушкой» потом, не удалось. В речи информантов был глагол, который позволил автору предположить связь погружения ветки с символическим уничтожением, а срок раскумливания исследователь сопоставляет с поминальной обрядностью.

Это уже интерпретация.

Не то же самое, что записанное действие.

- Значит, если написать: «девушки топили кукушку как образ умершего»...

- Слишком сильно.

- А «исследователь допускает такую символическую связь»?

- Уже честнее.

Ты киваешь.

Мне всё меньше нравится, как хорошо ты освоился.

В первой поездке я поправлял тебя на каждом удобном месте.

Во второй ты начал поправлять собственные вопросы.

Теперь ты проверяешь формулировку раньше, чем я успеваю её произнести.

Это полезно.

И раздражает.

Мы идём немного по селу без цели найти «тот самый» луг.

Я специально не предлагаю нам выбирать красивое место и назначать его историческим.
Можно написать прекрасную сцену: старая дорога, трава по колено, вода под корнями, девушки с украшенной веткой.

Часть этого опиралась бы на источник.

Часть - на воображение.

Если смешать, никто не заметит шва.

Именно поэтому не смешиваем.

Зато можем сделать другое.

Посмотреть на современное Ильинское и удержать сразу два знания.

Первое: этот обряд здесь действительно бытовал.

Второе: точное место его исполнения сегодня нами не установлено.

Они не уничтожают друг друга.

- А вода считалась святой?

- В источнике сказано иначе: старожилы считали её целебной.

- Разница есть.

- Большая. «Целебная» в памяти сообщества и «святой источник» в церковной традиции
- не одно и то же.

Ты снова смотришь на карту.

Следующая точка как раз даст нам возможность проверить разницу.

У села Старое существует источник, который сегодня прямо воспринимается как святыня и место паломничества.

Там мы физически увидим воду.

И там же услышим историю её происхождения.

- Которую ты сейчас испортишь.

- Я предпочитаю «разделю по слоям».

- Звучит хуже.

Мы возвращаемся к машине.

Перед тем как открыть дверь, ты ещё раз оглядываешь село. Где-то за домом лает собака.
Пахнет дымом - кто-то топит печь.

- Всё-таки странно.

- Что?

- Мы приехали к месту и не нашли место.

Я улыбаюсь.

- Вот теперь началась третья поездка.

II. Старое. Когда вода получает историю

К источнику у села Старое идти проще.

Он не прячется в архиве.

Национальный парк «Орловское полесье» описывает его как святой источник Казанской иконы Божией Матери, расположенный примерно в километре северо-восточнее села, возле озера. Здесь есть устроенная территория, купель, часовня. Сам родник восходящий: вода выходит из песчаной толщи снизу, и движение ключей заметно по поверхности дна.

У него даже есть народное имя - «Кипящие пески».

Ты смотришь на воду.

- Вот здесь наконец можно сказать «здесь»?

- Да.

- Подозрительно легко.

- Подожди до легенды.

Мы не торопимся.

После Ильинского сама возможность стоять возле физически существующего источника кажется почти роскошью.

Там действие было подтверждено, а точка ускользнула.

Здесь точка перед нами.

Можно увидеть воду.

Можно увидеть, как к ней устроен подход.

Можно увидеть, что место не забыто и продолжает использоваться.

Но история происхождения источника устроена иначе.

Официальный сайт национального парка прямо начинается её словом «легенда».

Согласно этому рассказу, в 1702 году в окрестностях села Старое случился лесной пожар. Люди молились о помощи, началась сильная гроза и ливень, пожар был потушен. В месте, куда будто бы ударяли молнии, обнаружилась расщелина с ключами, а на воде появилась Казанская икона Божией Матери.

Хорошая история.

Слишком хорошая, чтобы не остановиться.

Ты молчишь.

Я жду.

- Легенда подтверждает, что легенду здесь рассказывают.

Мне приходится отвернуться к воде.

- Это была моя реплика.

- Была.

- Верни.

- Поздно. Уже считается.

Вот так выглядит профессиональная трагедия Хранителя.

Но ты прав.

У нас есть документируемый современный объект.

Есть действующее почитание.

Есть официально фиксируемая легенда происхождения.

И нет основания превращать рассказ о событиях 1702 года в независимую хронику только потому, что он давно повторяется и связан с реальным родником.

При этом было бы столь же неправильно сказать: раз история легендарная, значит место «ненастоящее».

Настоящее.

Вода существует.

Люди сюда приезжают.

Для верующих источник является святыней.

Национальный парк включает его в собственное историко-культурное наследие и обслуживает инфраструктуру вокруг него.

Это уже факты современной жизни места.

- А целебная вода?

- Осторожно.

- Я только спросил.

- И правильно. Мы можем сказать, что воду считают целебной, что источник почитается.

Но медицинское утверждение о лечении конкретной болезни - совсем другой тип заявления. Его эта книга делать не будет.

Ты киваешь.

Здесь достаточно двух слов, чтобы изменить статус всей фразы.

«Был пожар».

«По легенде, был пожар».

Я смотрю на воду и думаю, что природный объект особенно легко обрастает биографией.

Дом построил человек - у дома обычно есть документы, хозяева, сметы, переделки.

Родник никому не обязан объяснять, когда он появился.

Он может существовать до первой записи о нём.

Люди приходят позже и начинают связывать воду с событием, образом, спасением, исцелением, праздником.

Потом родник начинают помнить уже не только как воду, но и как часть рассказа.

- То есть вода сама ничего не рассказывает.

- Наконец-то кто-то произнёс это без обиды на воду.

- А ты часто обижал воду?

- В Орле мы уже посвятили ей половину первой прогулки. Она переживёт.

Ты смеёшься.

Хорошо.

В этой книге религиозные места требуют особой интонации.

Если относиться ко всему только как к ошибке атрибуции, мы перестанем понимать людей, для которых святыня существует не как историческая гипотеза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.